

документов искренне считали живопись указанных икон плохой, не соответствующей требованиям, предъявляемым ими искусству. Однако, по сути, дело заключалось в существовании двух разных искусств — искусства господствующих классов и искусства, создаваемого народом или во всяком случае распространяемого в народе, признаваемого им. Борьба против этого искусства представляла собою не что иное, как одно из проявлений классовой борьбы. Она была не только поводом, но и причиной возникновения первых русских „трактатов“ по теории искусства, которые своей апологией искусства, возносившей его, оправдывали и обосновывали „высокое“ искусство господствующего класса и свою борьбу против того искусства, потребителем которого был народ.

Авторы „трактатов“ — не только Симон Ушаков, но и другие — были в той или иной степени сторонниками новой, складывавшейся в то время живописи. В частности, Симеон Полоцкий сочувственно говорит о распространении в России портретной живописи.¹ Он заявляет себя приверженцем „светлой“ живописи, объясняя, почему старые иконы бывают темными.²

Но при всем том, при всех этих связях русских трактатов с современностью, и несмотря на то, что они представляли собою совершенно новое явление в истории русского искусства и в истории русской мысли, — основные положения, высказанные в них, отнюдь не были новыми, но имели широкое распространение и ранее. Истории эстетических воззрений они хорошо известны.

Что искусство есть красота, что изображение есть подражание, что искусство, прежде всего живопись, доставляет людям знание, поучает их, прославляет деяния героев, возбуждает в зрителях высокие помыслы и вдохновляет на славные дела, — такие взгляды переходили из эпохи в эпоху и нередко излагались более или менее одинаково. Если взять эти положения в их общей форме, то окажется, что их разделяли и античность, и западноевропейское Средневековье, и Возрождение. Они встретятся в сочинениях XVIII века и отчасти останутся в обиходе позже, когда наука даст уже более глубокое истолкование искусства.

Но было бы неверно думать, что взгляды наших трактатов определились „западными идеями“, которые проникали к нам в XVII веке „и озарили новым, до тех пор неизвестным светом скромную мастерскую древнерусского живописца“, — как говорил по поводу сочинения Иосифа Владимировича Ф. И. Буслаев.³

В действительности эти взгляды сложились на совсем иной основе — на основе иного теоретического, философского и богословского наследства, которое уже давно стало достоянием древней Руси.

Тот, кто знаком с сочинениями византийских теоретиков, посвященными вопросам искусства, тот без труда, конечно, увидит тесную связь наших трактатов с этими сочинениями. Русские трактаты XVII века не только разрабатывают положения, выдвинутые Иоанном Дамаскиным, Василием Великим, постановлениями соборов иконокластов и т. д., но широко используют и их аргументацию. Однако и тот, кто вовсе не знает византийских теоретиков и не имеет почему-

¹ Л. Майков. Симеон Полоцкий, стр. 145; указ. рукопись, л. 18 об.

² Там же, стр. 144; указ. рукопись, л. 20.

³ Ф. И. Буслаев. Русская эстетика XVII века. Сочинения, т. II, СПб., 1910, стр. 423 и 428—429.